

Плёнка

*Я прожил всю жизнь.
И только после смерти
увидел её впервые.*

18+

Nemo Novus

Плѐнка

<https://litres.ru/74039243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роуэн Вейл умер в обычной пробке под «Unchained Melody». Тихо. Буднично. Без последнего монолога и яркой вспышки.

Когда он открыл глаза, перед ним не было ни рая, ни ада - только белое пространство, старое кожаное кресло и огромный экран с медленно крутящимися бобинами. Ему предстоит посмотреть всю свою жизнь. Кадр за кадром. Без перемотки. Без права на монтаж.

От девятилетнего мальчишки с растрѐпанными тѐмными кудрями и отцовским фотоаппаратом в руках - до взрослого мужчины, который научился выпрямлять не только волосы, но и свою судьбу. От яростной, живой любви к Руби Кейн, которая пахла ветром и свободой, до спокойной, но постепенно гаснущей жизни с Норой. От моментов, когда он почти решился жить по-настоящему, до тысяч маленьких предательств самого себя.

«Плѐнка» - это пронзительная история о жизни, которую мы монтируем под удобный сюжет, и о цене, которую платим за эту удобность. О ветре, который когда-то трепал волосы, и о тишине, которая остаётся, когда плѐнка заканчивается.

Содержание

Глава 1. Unchained Melody	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Nemo Novus

Плѐнка

Глава 1. Unchained Melody

Роуэн Вейл умер в четверг, в 18:47, под «Unchained Melody».

Пробка стояла неподвижно. Солнце медленно тонуло за городскими крышами, заливая все густым, теплым янтарным светом. По радио Righteous Brothers пели медленно и проникновенно — так, будто эта песня знала, что звучит в последний раз именно для него.

Роуэн сидел, расслабив руку на руле. Волосы были идеально выпрямлены, галстук — безупречно завязан. Все было на своем месте, как он любил.

Ветер легко задувал в приоткрытое окно, принося запаха нагретого асфальта, выхлопных газов и какой-то далекой, почти забытой свободы. Роуэн думал о том, что дома Нора, наверное, уже разогревает ужин и о том, как завтра снова нужно будет улыбаться на утреннем совещании. Обычные мысли. Обычный вечер.

Когда песня поднялась к самой высокой, почти разрывающей ноте — «i've hungered for your touch..» — сердце

Роуэна просто остановилось. Без драмы, без боли. Будто кто-то очень вежливо выключил главный рубильник.

Музыка еще несколько мгновений продолжала звучать в салоне, голоса переплетались в воздухе, как будто прощались. Потом кто-то нетерпеливо посигналил сзади. Кто-то засмеялся в соседней машине. Жизнь вокруг продолжала свое движение, равнодушная к тому, что один человек только что выскользнул из кадра.

Он открыл глаза в месте, которое существовало только для него.

Пространство было белым, но живым. Белым, как неэкспонированная пленка, которая еще ждет первого света. В центре висел огромный экран в тяжелой металлической раме, а по бокам — две большие бобины. Толстая пленка медленно крутилась, хотя света пока не было. Рядом стояло старое кожаное кресло — потертое, с глубокими морщинами, будто оно помнило всех, кто когда-либо в нем сидел.

Роуэн медленно опустился в кресло. Кожа тихо скрипнула, словно приветствуя старого знакомого.

Экран перед ним оставался тёмным, но в самой этой темноте чувствовалась глубина — не пустота, а тихое, дышащее ожидание. Бобины с плёнкой замерли.

Он не сразу понял, что в кресле напротив кто-то есть. Не «появился» — скорее, Роуэн просто осознал это присутствие, как замечаешь собственное отражение в темном ок-

не, когда меняется угол зрения. Человек — если это был человек — сидел, закинув ногу на ногу, и спокойно смотрел на Роуэна. У него было незапоминающееся лицо, но странно знакомое выражение глаз — смесь терпеливого ожидания и сухой, немного грустной иронии.

Роуэн не вздрогнул. Он слишком долго учился не показывать страх.

— Хранитель? — он произнес это слово как пробный камень, вкладывая в него весь свой скепсис. Бровь чуть приподнялась. — Звучит как название какого-нибудь безвкусного фэнтези.

— Придумай лучше, — уголок губ незнакомца едва дернулся. — Я здесь с самого начала. Все названия — твои.

Роуэн помолчал. Пальцы привычно нащупали подлокотник, сжали прохладную, натертую до блеска кожу. Ощущения были реальными, слишком реальными для галлюцинации. Он оглядел белое пространство без стен и горизонта.

— Я умер, так? Пробка, удар, глупость какая-то, — он хмыкнул, но звук вышел сухим, как сломавшаяся ветка. — Значит, это... что? Предбанник? Вечность в виде провинциального кинотеатра?

— Это Архив, — сказал Хранитель просто. — Твой. Ты строил его всю жизнь. Каждый раз, когда делал выбор. Каждый раз, когда сворачивал налево, а не направо, когда говорил «да», хотя хотел сказать «нет», когда решал, что безопасность стоит того, чтобы промолчать. Всё, от чего ты отказал-

ся, и всё, что ты выбрал — осело здесь, кадр за кадром.

— Архив... — повторил Роуэн тихо, словно пробуя слово на вкус. — Звучит как место, где хранят старые документы. А я, значит, теперь — документ?

Хранитель издал короткий смешок — даже не смех, а тёплый выдох, от которого дрогнули уголки его губ.

— Можно и так сказать. — Он чуть подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на азарт. — Но только здесь не хранят. Здесь показывают.

Роуэн перевел взгляд на массивные бобины. Свет пока не горел, но сам механизм казался напряженным, как мышца перед усилием. Готовым.

— Показывают, — медленно произнес он, возвращая себе привычную, чуть насмешливую интонацию. — И что же? Мою жизнь? От и до?

— От и до.

— И зачем? — В голосе Роуэна звякнул металл. Он выпрямился в кресле — не со злостью, а с той холодной, профессиональной требовательностью, которую годами оттачивал на совещаниях. — Я ее прожил. Без тюрьмы, без громких скандалов, без того, чтобы мои дети меня боялись. У меня была семья, стабильная работа, дом. Я не развалил свою жизнь, в отличие от... — Он остановился, не желая заканчивать фразу. — Я знаю, что я делал. Зачем мне пересматривать это сейчас?

Хранитель выслушал его не перебивая. В его молчании не

было ни осуждения, ни попытки переубедить — только ожидание, спокойное и бесконечное, как горизонт в этом белом пространстве.

— Ты можешь отказаться, — сказал он наконец.

Роуэн замер.

— Тогда бобины остановятся. — Хранитель кивнул на тяжёлые катушки. — А ты останешься здесь. С собой.

Он выдержал паузу — ровно столько, чтобы следующие слова прозвучали не угрозой, а констатацией факта.

— Некоторые так и выбирают. Сидят и слушают тишину, пока не забудут, кем были.

Тишина, наступившая следом, была глубокой и вязкой. Роуэн вдруг кожей ощутил весь объём этого белого ничто — его бесконечность, его равнодушие, его абсолютную, неумолимую пустоту. Никакого движения. Никакого звука. Только он, кресло и время, которое больше никуда не течёт.

Он представил это. Представил, как сидит здесь час, день, год — без единого кадра, без единой истории, наедине с собой. И понял, что боится этого куда больше, чем любого фильма. Фильм можно выдержать. Фильм — это хоть что-то. А это... это была смерть, от которой не спрячешься за дела, за привычку, за привычный шум жизни.

Он закрыл глаза всего на секунду. А когда открыл, голос его звучал тихо, но ровно:

— Хорошо.

Словно и не было никакого спора.

Хранитель ничего не ответил. Даже не кивнул. Он просто отвел взгляд в сторону экрана, и в тот же миг проектор ожил. Лампы внутри мягко загудели, по белому пространству Архива пробежала первая дрожь света. Бобина слева начала медленно вращаться, наматывая на себя пока ещё прозрачную плёнку будущего.

Экран замерцал. Где-то глубоко внутри механизма что-то щелкнуло — тихо и окончательно.

Роуэн откинулся в кресле, чувствуя, как старая кожа принимает его тело, точно повторяя его форму.

Давай, — выдохнул он. — Показывай уже свой фильм.

Первый кадр проявился медленно, с характерным дрожанием старой домашней съемки.

Девятилетний мальчик с буйными темными кудрями стоит посреди солнечного двора. Ветер треплет его волосы. В руках — тяжелый отцовский фотоаппарат. Он смотрит прямо в объектив — так, будто весь мир только что открылся ему и он не хочет упустить ни одной детали.

Мальчик улыбается. Открыто. Жадно. Всем собой.

И нажимает на кнопку.

Затвор щелкнул громко, как выстрел в тишине.

В белом пространстве взрослый Роуэн Вейл сидел неподвижно. По его щеке медленно скатилась одна-единственная слеза.

Он не вытер ее.

Просто смотрел.

Незнакомец молча стоял рядом. Пленка продолжала идти, а ветер — тот самый, настоящий — вдруг легко коснулся лица Роуэна даже здесь, в этом месте, где не должно быть никакого ветра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.